

Петля памяти

Архитектор Грей

18+

Архитектор Грей

Петля памяти

«Автор»

2026

Грей А.

Петля памяти / А. Грей — «Автор», 2026

Десять человек просыпаются в изолированном загородном бункере. Они помнят свои профессиональные навыки и рефлексy, но полностью лишены личных воспоминаний — имен, лиц и прошлого. На столе в гостиной тикает антикварный хронометр, запущенный ровно на десять часов, а рядом лежит записка: среди них скрывается Крот, предавший отряд десять лет назад в заснеженном ущелье Eiszeit. Если за отведенное время выжившие не вспомнят имя предателя и не введут код, бункер заполнится смертельным газом, а архивы их памяти будут уничтожены навсегда. Бывший военный Василий берется за расследование, ведомый лишь безупречным внутренним хронометром и преданным псом-малинуа, который проснулся в его комнате. Разгадывая механические загадки бункера, отряд шаг за шагом пробивается сквозь слои фальшивых воспоминаний к леденящей правде реального мира. Василий еще не знает, что главный архитектор этого смертоносного лабиринта до самого финала будет идти с ним плечом к плечу.

© Грей А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Серый полумрак	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Архитектор Грей

Петля памяти

Предисловие

Человеческая память — это самый ненадежный носитель во Вселенной. Мы помним первый поцелуй, но забываем, выключили ли утюг. Мы помним детскую обиду, но стираем из сознания лица тех, кого предали вчера. Наш мозг — трусливый редактор. Он ежедневно переписывает нашу личную историю, сглаживая углы, вырезая позорные эпизоды и латая дыры красивыми вымыслами, чтобы мы могли каждое утро смотреть в зеркало без отвращения.

Но что произойдет, если этого редактора уволить?

Проект «Эхо» создавался не для того, чтобы лечить амнезию. Он создавался, чтобы фиксировать истину. Когда нейроматрицу человека оцифровывают и помещают в изолированную среду, его фальшивое «я» — его социальный статус, его оправдания, его напускная вежливость — осыпается, как сухая штукатурка. Остается только чистая, концентрированная суть. Набор привычек. Профессиональные рефлексy. И страхи.

Если выстроить вокруг человека лабиринт из бытовых предметов, где каждая деталь — это физический триггер его прошлого, он неизбежно пойдет по заложенному алгоритму. Архитектура ловушки всегда безупречна. Если в ней лежит нож — им ударят. Если в ней заведены часы — время истечет. Животное подчинится скрытому жесту, а заблокированный диктофон выдаст именно то имя, которое вы так отчаянно пытались забыть.

В этой игре нет случайных свидетелей и лишних вещей. Каждый предмет на столе — это улика. Каждый человек напротив — это либо зеркало, либо палач. И чтобы вернуть свое настоящее имя, куратору придется пройти этот лабиринт с самого начала. Даже если в финале выяснится, что Крот, которого он так яростно искал все эти десять часов, каждое утро смотрел на него из отражения в зеркале спальни.

Глава 1. Серый полумрак

Будильник на тумбочке не успел издать ни звука. Василий открыл глаза ровно в 05:28, за две минуты до того, как электронный писк должен был разрезать тишину его спальни. Этот внутренний хронометр, отлаженный десятилетиями армейской службы и сотнями боевых дежурств, работал безупречно, как швейцарский механизм. Василий сел на кровати, не спеша включать свет. В комнате царил серый, колючий полумрак предраассветного часа, то специфическое время, когда очертания предметов кажутся размытыми и чужими. Но чужим здесь было абсолютно всё. В ноздри ударил незнакомый запах — смесь дорогой полироли для мебели, старой кожи и едва уловимого, острого аромата псины. Василий замер, не опуская ноги на пол. Прямо у кровати, в густой тени, слабо блеснули два умных, немигающих янтарных глаза. На него в упор смотрел крупный пес.

Животное не шевелилось. Василий плавно, без резких движений, перенес вес тела на локти, глубже вжимаясь спиной в изголовье кровати. Шерсть на загривке пса — плотная, серо-рыжая, с характерным черным «ремнем» вдоль хребта — едва заметно вздрагивала в такт его глубокому, беззвучному дыханию. Бельгийская овчарка, малинуа. Крупный, поджарый кобель, из тех, кого натаскивают на задержание или поиск взрывчатки. Василий скользнул взглядом по лапам собаки, поджатым под грудь, и заметил на правой передней едва различимый в полумраке безволосый шрам в форме ломаной стрелы. Старый след от осколка или капкана. Пес не проявлял агрессии: уши не были прижаты, из пасти не доносилось предупреждающего рыка, но этот немигающий янтарный взгляд нес в себе пугающее осознание. Собака знала, где они находятся. Василий — нет.

Он попытался восстановить в памяти события вчерашнего вечера, но наткнулся на глухую, глубинную черноту. Профессиональная память, зафиксировавшая ТТХ сотен видов оружия, топографические знаки и алгоритмы оказания первой помощи, функционировала безупречно. Но личная история оказалась стерта, словно магнитную ленту размагнитили мощным импульсом. Василий помнил свое имя. Помнил, как пахнет пороховая гарь после затяжного боя, помнил леденящий ветер на высокогорных заставах. Но он не мог вспомнить, сколько ему лет, есть ли у него семья, и как он оказался в этой комнате.

Василий опустил взгляд на свои руки. На левом запястье остался светлый след от ремешка часов, но самих часов не было. На ладонях — жесткие, застарелые мозоли у основания пальцев, характерные для людей, регулярно работающих с тяжелым металлом или оружием. Под ногтями было чисто. Одет он был в простую, серую армейскую футболку и свободные тактические брюки без шевронов и опознавательных знаков. Поясной ремень отсутствовал, карманы были пусты — ни документов, ни ножа, ни зажигалки. Всё подчищено под ноль.

Внутренний хронометр беззвучно отсчитал две минуты. Ровно 05:30. Василий повернул голову к тумбочке, ожидая, что электронный писк сейчас нарушит тишину, но будильник молчал. Василий присмотрелся. На лакированной деревянной поверхности стоял массивный антикварный хронометр в тяжелом латунном корпусе. Его маятник за стеклом был неподвижен. Стрелки замерли на отметке 12:00. Но самым странным был не сам прибор, а то, что лежало под ним. Белый, идеально ровный квадрат плотного картона.

Сделав едва заметный вдох, Василий спустил ноги с кровати. Пес мгновенно среагировал: его уши слегка качнулись вперед, а хвост один раз глухо стукнул по тяжелому ворсистому ковру. Животное не собиралось нападать. Василий протянул ладонь тыльной стороной вперед, давая псу обнюхать пальцы. Малинуа подался навстречу, шумно втянул воздух ноздрями, но его реакция была странной — пес не заскулил от радости, не отпрянул, а лишь глубже, словно

с упреком, посмотрел Василию в глаза. В этом жесте сквозило узнавание, смешанное с отчуждением.

Василий потянулся к тумбочке и взял картонный квадрат. На ощупь это была дорогая, тисненная бумага. На ней каллиграфическим, абсолютно ровным почерком, лишенным индивидуальных наклонов, было выведено всего три строки:

«Вы не помните, кто вы, потому что так было нужно. Среди вас десять человек и один предатель, который погубил ваше прошлое. У вас есть десять часов, чтобы вспомнить его имя. Если часы пробыют десять, а код не будет введен — это место заполнится газом „Циклон-Б“, а архивы вашей памяти будут уничтожены навсегда. Начните с гостиной».

Василий перевернул карточку. На обратной стороне был начерчен аккуратный геометрический символ — идеальный круг, внутри которого был заключен треугольник с точкой посередине. Этот знак показался ему смутно знакомым, где-то на периферии стертых воспоминаний заныла старая ментальная рана, но сознание снова заблокировало ассоциацию.

Вдруг за тяжелой дубовой дверью спальни раздался приглушенный, полный паники женский крик, тут же оборвавшийся глубоким всхлипом. Пес мгновенно вскочил на лапы, его тело напряглось, как натянутая тетива, а шерсть на загривке встала дыбом. Он не залаял, лишь глухо, утробно зарычал, глядя на дверной проем.

Василий бесшумно поднялся. Каждая мышца его тела была готова к бою, несмотря на дезориентацию. Он подошел к двери, мягко ступая по ковру, и приложил ухо к прохладному дереву. Снаружи, в коридоре, слышались торопливые, хаотичные шаги нескольких человек, шуршание одежды и растерянный, хриплый мужской баритон, который повторял одну и ту же фразу: «Где моя куртка? Кто забрал мой телефон? Где мы, черт возьми?!»

Василий медленно взялся за массивную латунную ручку двери. Она была холодной. Он повернул её вниз до упора. Дверь поддалась без единого скрипа — петли были идеально смазаны. Выйдя в длинный, погруженный в полумрак коридор, Василий сразу зафиксировал две вещи. Первая: коридор не имел окон, стены были обшиты дорогими деревянными панелями, а под потолком тускло горели встроенные софиты. Вторая: на противоположном конце коридора, у открытых дверей огромной гостиной, стояли трое. Мужчина в помятом дорогом костюме, бледная молодая женщина, судорожно прижимающая руки к груди, и высокий, широкоплечий парень в спортивной куртке, который в этот момент яростно дергал ручку массивной входной двери.

Входная дверь была глухой, отлитой из темно-серого титанового сплава. На месте обычного замка в нее был вмонтирован цифровой терминал с небольшим монохромным экраном, на котором тускло светились красные цифры: **09:57:42**. Секундомер неумолимо отсчитывал время назад.

— Бесполезно, — хмуро бросил парень в спортивной куртке, оставив ручку в покое. — Там бронеплита. И окна в гостиной... я проверил. Там не стекла, там прозрачный поликарбонат толщиной в три пальца, а за ними — стальные жалюзи. Мы заперты.

В этот момент парень повернулся на звук шагов Василия. Его взгляд скользнул по фигуре бывшего военного, затем опустился ниже и замер. Василий оглянулся. Из темноты спальни вслед за ним молча вышел пес. Он шел у левой ноги Василия, идеально выдерживая дистанцию, словно всю жизнь ходил рядом с этим человеком. Однако парень в куртке смотрел не на собаку. Он смотрел на правую руку Василия, в которой тот все еще сжимал картонную карточку с символом.

— Откуда у тебя это? — быстро, с угрозой в голосе спросил парень, делая шаг вперед. Его правая рука непроизвольно дернулась к карману куртки, но тут же остановилась. Василий заметил это мимолетное движение. Это был профессиональный жест человека, привыкшего носить оружие на кобуре под правым плечом. Но куртка парня была пуста.

Парень сделал еще полшага вперед, его подбородок был упрямо выставлен, а плечи развернуты так, чтобы в любой момент уйти от прямого удара. В его позе читалась профессиональная агрессия бойца, привыкшего доминировать, но лишенного своего главного аргумента — оружия. Василий не шелохнулся. Он лишь слегка перенес вес тела на носки, готовый к любому развитию событий, а пес у его левой ноги мгновенно зафиксировал фигуру незнакомца. Кобель не зарычал, но его хвост поднялся строго горизонтально, превратившись в жесткое продолжение позвоночника. Этот беззвучный сигнал опасности парень в куртке считал безошибочно и замер.

— Нашел в комнате. На тумбочке, под часами, — ровным, лишенным эмоций голосом ответил Василий, протягивая карточку текстом вверх. — Там написано, что у нас меньше десяти часов. И что среди нас предатель.

Бледная женщина у двери судорожно вздохнула и сделала шаг назад, вжимаясь в деревянную панель стены. На ней был дорогой, но измятый шелковый блейзер, а на тонком запястье тускло поблескивал золотой браслет от часов, однако самих часов, как и у Василия, на месте не оказалось — лишь бледная полоса несмываемого загара. Мужчина в помятом костюме, до этого лихорадочно протиравший очки краем галстука, быстро надел их и выхватил карточку из пальцев Василия. Его руки заметно дрожали, а по лбу катился крупный пот, оставляя влажные дорожки на серой от усталости коже.

— Газ? — близоруко сощурившись, пробормотал он, и его голос сорвался на тонкий, дребезжащий фальцет. — Это... это же бред. Какая-то дикая шутка. Кто-то устроил нам квест? Розыгрыш? Я требую, чтобы меня выпустили! Я не помню, как сюда попал, у меня контракт на... на... — он осекся, его глаза за стеклами очков панически расширились. — Боже мой. На что у меня контракт? Я не помню свою фирму. Я не помню, как зовут мою жену!

— Успокойся, — жестко оборвал его парень в куртке, забирая бумагу у него из рук и внимательно вчитываясь в строки. — Паника не вскрыет эту дверь. Меня зовут... — он замолчал, на секунду на его лице отразилось глухое, яростное замешательство, но он быстро справился с собой. — Зовите меня Гром. Это первое, что приходит в голову. Будто позывной. Личные данные стерты у всех. Я помню, как разбирать автомат Калашникова в темноте, помню тактику городского боя, но не помню своего адреса. А ты?

Гром посмотрел прямо в глаза Василию, сканируя его фигуру — военную футболку, жесткую осанку, шрамы на костяшках пальцев.

— Василий, — ответил тот. Имя отозвалось внутри привычным, правильным звуком. — Помню армейскую службу. Помню боевые выходы. Но где, когда и с кем — пустота.

— Значит, мы в одной лодке, — Гром перевел взгляд на пса, который теперь сидел у ноги Василия, не сводя глаз с коридора. — Твоя собака?

— Не знаю. Она проснулась в моей комнате. Но она меня знает. Или думает, что знает.

— Ладно, разберемся. В гостиной еще шестеро. Все в таком же состоянии — помнят свои навыки, но не помнят лиц и имен. Идем. Время тикает.

Они двинулись по коридору в сторону массивной арки, ведущей в гостиную. Василий шел замыкающим, внимательно осматривая стены. Деревянные панели скрывали за собой глухой бетон или металл — при шагах не было слышно характерного для обычных жилых домов эха, звук глухо гас, словно в студии звукозаписи или подземном бункере.

Гостиная оказалась огромной комнатой с высокими потолками, обставленной с тяжелой, почти музейной роскошью. Кожаные диваны, массивный дубовый стол по центру, на стенах — старинные гобелены с сюжетами средневековой охоты. На одном из них стоя псов загоняла огромного раненого вепря. Василий на секунду задержал взгляд на этом изображении: один из псов на гобелене, припавший к земле перед броском, имел странный шрам на передней лапе, вышитый шелковыми нитями. Василий моргнул, всматриваясь, но Гром уже увлек их внутрь комнаты.

В центре гостиной, вокруг стола, сгрудились остальные. Две женщины и четверо мужчин. Они шумно спорили, перебирая лежащие на столе предметы. На полированной поверхности дуба ровным рядом были разложены личные вещи — те самые, которые, по всей видимости, были изъяты у каждого из присутствующих перед тем, как их погрузили в сон.

— Посмотрите на это! — крикнул один из мужчин, сухощавый, с аккуратной профессорской бородкой и в дорогом твидовом пиджаке. — Это абсолютный абсурд. Кто-то намеренно перемешал наши вещи, чтобы запутать нас.

Василий подошел ближе к столу. Пес остался у входа, тихо улегшись на ковер, но его ноздри непрерывно трепетали, ловя запахи присутствующих.

На столе лежали: тяжелый армейский жетон без имени, но с выбитым личным номером; золотой портсигар с гравировкой «За мужество»; пачка дорогих сигарет «Sobranie»; хирургический скальпель в стерильном чехле; связка ключей со странным, громоздким брелоком в виде латунной шестеренки; старый блокнот в кожаном переплете, страницы которого были девственно чисты; карманное зеркальце в серебряной оправе; цепочка с кулоном в виде миниатюрных песочных часов и профессиональный диктофон марки «Olympus».

— Девять предметов, — тихо заметил Василий, пересчитав вещи взглядом. — Но нас здесь десять.

В комнате мгновенно повисла тяжелая, звенящая тишина. Люди начали испуганно переглядываться, словно впервые осознавая масштаб ловушки.

— Как десять? — переспросил мужчина в помятом костюме, который только что зашел вместе с Василием. — Давайте посчитаем. Один, два, три... — его палец дрожал, указывая на каждого. — Да. Десять человек. Но почему вещей девять?

— Потому что у десятого вещь не забрали. Или его вещь — это то, что уже находится в этой комнате, — Гром шагнул к столу и резко перевернул диктофон. — Кто-нибудь пробовал его включить?

— Он заблокирован, — отозвалась одна из женщин, сидевшая на краю дивана. Это была высокая дама лет пятидесяти с идеальной осанкой и холодным, пронизательным взглядом, который выдавал в ней человека, привыкшего управлять крупными структурами. — Там требуется четырехзначный цифровой код. У нас есть три попытки, после чего, судя по надписи на маленьком дисплее, память устройства будет стерта. Мы не стали рисковать.

Василий подошел к столу и протянул руку к пачке сигарет «Sobranie». На его пальцах, огрубевших от оружия, эта изящная черная пачка смотрелась чужеродно. Он открыл ее. Внутри лежало ровно десять сигарет. Но внимание Василия привлекла не табак, а внутренняя сторона откидной крышки. Там тонким грифелем карандаша был набросан тот же самый символ, что и на карточке в его кармане — круг, треугольник и точка. Но под символом была приписка: *«Первая цифра кода — это количество тех, кто не вернется»*.

— Погодите, — раздался тихий, слегка надтреснутый голос из угла комнаты. Там, в глубокое кресле, сидел молодой парень в очках с толстыми линзами, судорожно обхватив свои колени. — Вы обратили внимание на собаку? Почему она пришла именно с ним?

Все взгляды мгновенно скрестились на Василии и малинуа. Пес, почувствовав общее внимание, медленно поднял голову. В этот момент мужчина с профессорской бородкой сделал неосторожный шаг назад, его рука задела стоявшую на краю стола тяжелую хрустальную пепельницу. Она с оглушительным звоном полетела на паркет.

То, что произошло в следующие полсекунды, заставило Василия внутренне подобраться.

Мужчина в помятом костюме — тот самый, который паниковал и не помнил свою жену — совершил молниеносное, неестественно быстрое движение. Его рука вылетела вперед, перехватывая падающую пепельницу в паре сантиметров от пола. Это была реакция не обычного клерка, а профессионального телохранителя или профессионального спортсмена. Но как

только пепельница оказалась в его руке, мужчина замер, испуганно глядя на свои собственные пальцы, словно не понимая, как его тело совершило этот трюк.

Пес у двери отреагировал еще более странно. При звуке падающего хрусталя он не вскочил, но его взгляд намертво пригвоздил не того, кто уронил пепельницу, и не того, кто ее поймал. Пес смотрел на женщину с холодной деловой осанкой. А сама женщина в этот момент, даже не взглянув на падающий предмет, сделала едва заметный жест левой рукой — прижала большой палец к мизинцу и опустила кисть вниз.

Это был профессиональный жестовый военизированный знак, означающий команду «Внимание, засада». И пес, подчиняясь этому движению, бесшумно перетек в положение лежа, плотно прижав челюсть к лапам. На его ошейнике, скрытом густой шерстью, в этот момент что-то едва заметно щелкнуло.

Василий зафиксировал этот жест краем глаза. Внутренний аналитический центр, не затронутый амнезией, мгновенно обработал информацию: женщина отдала скрытую тактическую команду, а собака, которая секунду назад казалась преданной Василию, беспрекословно подчинилась чужому сигналу. Напряжение в гостиной сгустилось до предела. Каждый из присутствующих теперь понимал, что маски, одежда и напускная паника — лишь ширма, за которой скрываются смертельно опасные навыки.

— Впечатляющая реакция для человека, который не помнит названия своей фирмы, — Гром медленно повернулся к мужчине с пепельницей в руках. Его голос стал вкрадчивым, но в нем отчетливо проступил металл. — Ты поймал летящий хрусталь вслепую, приятель. Где учат таким фокусам? В бухгалтерии?

Мужчина аккуратно поставил пепельницу на дубовый стол. Его ладони все еще мелко дрожали, но это была уже не паника испуганного обывателя, а тремор перенапряженных мышц после резкого выброса адреналина.

— Я... я не знаю, — хрипло ответил он, глядя на свои пальцы. — Мои руки сделали это сами. Мозг еще не успел подумать, а тело уже сработало. Наверное, я много занимался спортом. Или...

— Или твоя легенда сыпется с первых минут, — отрезал Гром. Он шагнул к мужчине, сокращая дистанцию до опасного минимума. — Как тебя зовут? Ну же, копай в своей голове. Какое слово всплывает первым?

— Марк, — после короткой паузы выдавил мужчина. — Меня зовут Марк. И я действительно не помню, кто я. Но я чувствую, что если я сейчас расслаблюсь, то кто-то из вас меня убьет.

Василий не стал вмешиваться в их спор. Его внимание по-прежнему было приковано к женщине на диване. Она сидела абсолютно неподвижно, вернув левую руку на колено. Ее пальцы были расслаблены, но Василия не обманула эта напускная безмятежность. На внутренней стороне ее левого запястья, чуть выше золотого браслета, он заметил едва заметную, бледную точку — след от регулярных инъекций или вживленного медицинского порта.

— Вы отдали собаке команду, — негромко, но так, чтобы слышали все, произнес Василий.

Разговоры у стола мгновенно стихли. Гром перевел быстрый взгляд с Марка на Василия, а затем на женщину.

— О чем ты говоришь? — сухо спросила она, слегка приподняв идеальную линию бровей. — Я просто сидела.

— Вы сложили пальцы в тактический знак «Засада». Кобель лег по вашей команде. И на его ошейнике сработал замок, — Василий сделал два размеренных шага в ее сторону, не приближаясь слишком близко, но перекрывая ей возможную траекторию для рывка. — Кто вы? И почему этот пес слушается вас, если проснулся он в моей спальне?

Женщина молчала несколько секунд. Ее холодные серые глаза сканировали лицо Василия, словно оценивая уровень угрозы, которую он представлял. Наконец, она изящно вздохнула и откинулась на спинку дивана.

— Елена, — произнесла она. Голос звучал ровно, без единой панической ноты. — Это имя записано на подкорке моего мозга. И да, вы правы, Василий. Я знаю этот жест. Я знаю, как управлять обученными собаками. Но я клянусь вам, я вижу этого малинуа впервые в жизни. По крайней мере, я так думаю. Мое тело помнит протоколы безопасности, но моя память так же пуста, как и у вас.

В этот момент тишину комнаты прорезал механический, щелкающий звук. Все обернулись к стене у входной арки. Там, под гобеленом со сценой охоты, в стене открылась небольшая, скрытая до этого панель. Из нее медленно выдвинулся металлический лоток, на котором лежал планшет в массивном противоударном чехле. На черном экране устройства вспыхнули крупные белые буквы:

ВВЕДИТЕ НАЗВАНИЕ ОПЕРАЦИИ. ПОПЫТКА 1 ИЗ 3.

— Начинается, — пробормотал парень в очках, который до этого сидел в кресле, сжавшись в комок. Сейчас он поднялся и лихорадочно протирал стекла очков подолом своей серой толстовки. — Это как в компьютерной игре. Нам дают квесты. Если мы не угадаем, нас убьют.

— Это не игра, парень, — Гром подошел к лотку и внимательно осмотрел планшет, не прикасаясь к нему. — Смотрите сюда. Экран сенсорный, но клавиатуры нет. Нужен голосовой ввод или конкретное кодовое слово.

Василий подошел ближе. На сигаретной пачке, которую он все еще держал в руке, была подсказка: *«Первая цифра кода — это количество тех, кто не вернется»*. Но на планшете требовалось ввести не цифру, а *название операции*. Как эти детали связаны между собой?

— Десять человек, — тихо сказал Василий, глядя на экран. — Один предатель. Десять сигарет в пачке. И надпись: *«Количество тех, кто не вернется»*. Десять лет назад произошло что-то, что стерло нам жизнь. Сколько человек тогда погибло?

— Или сколько должно погибнуть сегодня? — тихо добавила бледная женщина в шелковом блейзере, которая до сих пор стояла у самой двери. Её голос дрожал от ужаса. — Если код — это количество тех, кто не вернется, значит... отсюда выйдут не все?

Пес на ковре вдруг глухо зарычал. Василий обернулся. Малинуа поднялся на лапы, но смотрел он не на Елену и не на Грома. Его морда была повернута к массивному дубовому столу, на котором лежали девять личных вещей.

Василий присмотрелся к столу и почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холод. Один из предметов — старый блокнот в кожаном переплете, страницы которого еще три минуты назад были абсолютно чистыми — теперь лежал открытым. И на его первой странице, прямо на глазах у ошеломленных людей, начали медленно, словно под воздействием невидимого тепла, проступать буквы, написанные темно-красным цветом.

Буквы складывались в одно единственное слово. Слово, которое заставило сердце Василия забиться в бешеном, рваном ритме, словно этот триггер сорвал первый замок с его заблокированной памяти.

На странице было выведено: **«ЗАПИСЬ»**.

И в ту же секунду диктофон марки «Olympus», лежащий рядом с блокнотом, сам по себе включился. Его маленький монохромный экран загорелся ядовито-синим светом, и из динамика раздался тяжелый, искаженный цифровым фильтром голос Василия:

— *«Если вы слышите это, значит, план „Ноль“ запущен. Я стер вам память, потому что среди вас Крот. И если вы не найдете его до того, как ошейник пса взорвется, вы никогда не узнаете, кто вы такие на самом деле...»*

Голос из динамика диктофона оборвался коротким цифровым щелчком. Синяя подсветка экрана погасла, погрузив комнату в прежний серый полумрак. Десять человек замерли,

боясь сделать даже вдох. Взгляды девяти незнакомцев медленно, один за другим, скрестились на Василии.

В их глазах больше не было прежней растерянности — там закипала чистая, первобытная ярость загнанных в ловушку зверей.

— Ты... — Гром сделал стремительный шаг назад, мгновенно разрывая дистанцию и одновременно уходя с линии возможной атаки. Его колени слегка согнулись, готовые к прыжку. — Так это сделал ты? Ты запер нас здесь и стер нам мозги?

— Голос на записи принадлежит мне, — Василий ответил спокойно, хотя внутри у него все перевернулось. Его собственный голос, звучавший из динамика, запустил в голове странное эхо — как будто в темной комнате на долю секунды включили и тут же выключили свет. — Но я помню не больше вашего. Если бы я контролировал ситуацию, я бы не стоял сейчас здесь без оружия и с пустой головой.

— Он лжет! — завизжал парень в очках, вжимаясь в спинку кресла. — Он симулирует амнезию! Он притащил сюда собаку-убийцу! Посмотрите на ошейник!

Василий медленно опустился на одно колено перед малинуа. Пес не шевелился, но его дыхание стало более частым. Василий аккуратно раздвинул густую жесткую шерсть на шее кобеля.

Под ней обнаружился не обычный кожаный ремешок, а гибкая шина из темного матового титана шириной в три пальца. В самом центре шины, прямо под гортанью собаки, тускло пульсировал крошечный светодиод. Рядом с ним под прозрачным пластиковым окошком виднелся едва заметный слой серого пластичного вещества и тончайшие нити медных проводков. Пластид. Малинуа нес на себе мощный заряд направленного действия. Елене удалось заблокировать детонатор своим скрытым жестом, но замок на ошейнике щелкнул — это означало, что таймер взрывателя синхронизирован с общими часами на двери.

— На ошейнике взрывчатка, — ровно произнес Василий, поднимаясь. — Если верить записи, у нас общая цель. Я стер память всем, включая себя, чтобы Крот не смог просчитать мои действия. Это был единственный способ уравнять шансы.

— Уравнять шансы? — Марк, который до этого стоял неподвижно у стола, вдруг горько усмехнулся. Из его помятого пиджака окончательно испарился образ испуганного клерка. Осанка стала жесткой, взгляд — холодным и сфокусированным. — Ты лишил нас жизни, Василий. Кем бы мы ни были там, снаружи — здесь мы просто мясо в консервной банке.

— Погодите, — Елена поднялась с дивана. Её голос прозвучал как удар хлыста, заставив всех замолчать. — Давайте включим логику, раз уж мы все здесь профессионалы. Василий на записи упомянул «План Ноль». На планшете горит требование: «ВВЕДИТЕ НАЗВАНИЕ ОПЕРАЦИИ». Попытка одна из трех.

Она повернулась к Василию.

— На пачке сигарет в твоём кармане была подсказка про цифру. На диктофоне — твой голос. Блокнот отреагировал на тепло твоих рук, когда ты подошел к столу. Буквы проступили от химического состава, среагировавшего на температуру или пот. Ты подготовил этот дом. Вспоминай, что такое «План Ноль»?

Василий закрыл глаза. Он попытался пробиться сквозь глухую стену в глубине сознания. *План Ноль... Ноль...* Вспышка. Черный заснеженный лес. Свет фар армейского грузовика, бьющий сквозь метель. Крик человека, падающего в глубокую расщелину. И жгучая, невыносимая боль в правом плече.

Василий резко открыл глаза и схватился за свое правое плечо. Под серой футболкой, ближе к ключице, пальцы нащупали старый, глубокий шрам от пулевого ранения.

— Это была эвакуация, — хрипло произнес Василий. — Десять лет назад. Зимняя операция в горах. Нас предали. Наш отряд попал в засаду из-за информации, которую слил Крот. Мы должны были погибнуть все. Но кто-то выжил. Десять человек.

— И как называлась та операция? — Гром подался вперед, его глаза лихорадочно блестя. — Вспоминай! Если мы введем неверное название, планшет заблокируется!

— Я не помню название, — Василий качнул головой. — Но я помню деталь. Нас расстреливали из крупнокалиберных пулеметов. Снег вокруг был красным. Операция была связана со льдом или зимой.

Вдруг бледная женщина в шелковом блейзере, которая до сих пор тихо стояла у стены, сделала шаг к столу. Ее пальцы судорожно потянулись к одному из девяти предметов — серебряному карманному зеркальцу. Она перевернула его. На тыльной стороне серебряной оправы была выгравирована изящная, едва заметная глазу снежинка. Но внутри этой снежинки, если присмотреться, линии ломались, образуя буквы.

— Смотрите... — прошептала она, протягивая зеркальце Василию. — Я не знаю почему, но когда я смотрю на этот узор, мне хочется плакать. Я помню этот холод. Название операции... оно здесь.

Василий взял зеркальце. Его внутренний армейский хронометр беззвучно зафиксировал время: **09:48:12**. Они потеряли уже двенадцать минут.

Он поднес зеркальце к глазам, вглядываясь в микроскопическую гравировку внутри снежинки. Буквы были немецкими. Стилизованный готический шрифт. Василий прочитал их вслух:

— «*Eiszeit*». Ледниковый период.

Гром мгновенно повернулся к выдвижной панели и занес руку над экраном планшета, готовый ввести слово.

— Стой! — резко скомандовал Василий. — Не трогай экран. На пачке сигарет написано: *«Первая цифра кода — это количество тех, кто не вернется»*. Планшет требует название операции, но диктофон заблокирован четырехзначным цифровым кодом. Если мы сейчас введем «*Eiszeit*» в планшет, мы, возможно, откроем какую-то дверь, но не снимем блокировку с диктофона. А на диктофоне может быть полная запись с именем Крота. Нам нужны обе части загадки.

— Но у нас нет первой цифры! — крикнул Марк. — «Количество тех, кто не вернется». Откуда нам знать, сколько из нас должно погибнуть?!

Василий посмотрел на дубовый стол, затем на пачку сигарет, где лежало ровно десять штук. Затем его взгляд упал на гобелен, где свора собак загоняла вепря. Он присмотрелся к вышитому шраму на лапе пса. Стрела. Точно такой же шрам был на лапе малинуа, сидящего у его ног.

И тут Василий понял. Этот дом не просто ловушка. Это гигантский чертеж, где каждый предмет дублирует реальность.

— Нас десять человек, — тихо сказал Василий. — Вещей на столе — девять. Собака — десятая. На гобелене изображена охота. Сколько псов загрыз вепрь до того, как его повалили?

— Трое, — выдохнул Гром, оборачиваясь и лихорадочно пересчитывая вышитые фигуры. — Три собаки лежат на траве в углу рисунка. Они вышиты красными нитями. Они мертвы.

— Три, — повторил Василий. — Первая цифра кода — три. Осталось еще три цифры.

В этот момент в глубине дома, за стенами гостиной, раздался тяжелый, глухой гул, словно где-то глубоко под землей провернулись огромные шестеренки. Красные цифры таймера на входной двери внезапно мигнули и перескочили сразу на тридцать минут назад.

Вместо прежнего времени на экране терминала теперь горело: **09:15:00**. Место начало ускорять игру, забирая у них драгоценные минуты за то, что они разгадали первую часть.

Пес на ковре резко вскочил, повернулся к глухой стене справа от гобелена и глухо, предупреждающе зарычал. В этой стене, прямо между деревянными панелями, начала медленно

открываться узкая вертикальная щель, пахнувшая сыростью и старым железом. Потайной ход вел куда-то вниз.

Из открывшейся щели потянуло затхлым, ледяным воздухом, в котором отчетливо угадывался запах оружейной смазки и мокрого бетона. Темнота внутри проема была абсолютной, плотной, словно свет из гостиной натывался на невидимую стену и гас.

— Туда я точно не пойду, — парень в очках попятился, едва не перевернув кресло. — Это ловушка внутри ловушки. Нас заманивают под землю, чтобы ликвидировать всех разом.

— У нас нет выбора, парень, — Гром уже стоял у самого края проема, всматриваясь в темноту. — Таймер сожрал полчаса за один щелчок. Если мы останемся сидеть на этих кожаных диванах, через девять часов нас просто спишут в утиль вместе с этой мебелью. Василий, что скажешь?

Василий не ответил. Он подошел к проему и опустился на корточки перед малинуа. Пес больше не рычал, но все его тело превратилось в одну натянутую струну. Кобель смотрел в темноту прохода, шумно втягивая ноздрями холодный воздух. Ошейник на его шее продолжал едва заметно пульсировать багровым светом.

— Ищи, — тихо скомандовал Василий, сделав едва заметный кивок головой в сторону щели.

Пес не колеблясь шагнул в темноту. Его когти глухо зацокали по металлическим ступеням, ведущим вниз. Василий пошел следом, ориентируясь на этот звук. За ним, тяжело дыша, двинулся Гром, а следом, тихо переговариваясь, потянулись и остальные. Последней в проход вошла Елена, ее шаги были на удивление бесшумными для женщины в строгих туфлях.

Ступени оборвались через пару десятков метров. Василий оказался в узком коридоре, стены которого были отлиты из грубого, необработанного бетона. Под потолком через равные промежутки вспыхнули тусклые аварийные лампы в железных сетках. Пространство напоминало заброшенный командный пункт или армейский бункер времен холодной войны.

Пес ждал Василия в пяти шагах впереди, замерев перед тяжелой стальной дверью с круглым штурвалом посередине. На двери трафаретной краской был нанесен уже знакомый символ — круг, внутри которого треугольник с точкой.

— Похоже на склад оружия или узел связи, — Марк подошел ближе, осматривая запорный механизм. Его пальцы коснулись холодного штурвала. — Здесь нет электроники. Чистая механика. Чтобы повернуть это, нужна сила двоих.

— Давай, — Гром ухватился за противоположную сторону штурвала.

Они синхронно налегли на металл. Со скрежетом и ржавым визгом штурвал поддался, сделав один полный оборот, затем второй. Внутри двери что-то тяжело ухнуло, и она медленно отошла внутрь, открывая вид на небольшую комнату, залитую резким, холодным флуоресцентным светом.

В центре комнаты стоял металлический стол, на котором аккуратно, словно для инспекции, были разложены три предмета: армейская аптечка старого образца, тяжелый армейский нож в пластиковых ножнах и старая армейская рация с оторванным проводом антенны.

Но внимание Василия привлекло не это. На стене прямо над столом висела огромная черно-белая фотография десятилетней давности. На ней были запечатлены десять человек в зимнем камуфляже на фоне заснеженного ущелья. Лица людей были веселыми, они улыбались в камеру, обнимая друг друга за плечи. В центре группы стоял молодой Василий, а рядом с ним — Гром и Марк. У их ног сидел совсем еще молодой, поджарый щенок малинуа.

Лицо одного из десяти человек на фотографии было аккуратно и глубоко вырезано ножом. Вместо него зияла черная пустота бетонной стены.

— Это мы... — прошептала бледная женщина в блейзере, заглядывая Василию через плечо. — Смотрите, это я стою с краю. Боже, я вспомнила... Мое имя Анна. Я была радистом.

— А тот, чье лицо вырезано — это Крот, — Гром подошел вплотную к снимку, вглядываясь в края среза. — Тот, кто продал нас в ущелье Eiszeit. Василий, ты собрал нас здесь, чтобы мы вспомнили его лицо? Но как мы его вспомним, если ты сам его вырезал?

— Я вырезал его не здесь, — тихо ответил Василий. — Я вырезал его из своей памяти еще тогда, чтобы выжить. Но посмотрите на стол. Вещи. Они лежат в строгом порядке.

Василий подошел к металлическому столу. Его взгляд упал на армейский нож. Он взял его в руку — рукоять идеально легла в ладонь, словно была продолжением его собственного тела. На стальном лезвии у самого основания была выбита мелкая цифра «5».

Он быстро перевернул аптечку. На ее пластиковом корпусе маркером была выведена цифра «2». На корпусе разбитой рации красовалась цифра «8».

— Это код, — Марк быстро посчитал в уме. — Три цифры. Наверху мы нашли первую цифру — три. Здесь еще три: пять, два, восемь. Вопрос только в том, в каком порядке их вводить в диктофон.

— Порядок зашифрован на фотографии, — Елена подошла к столу, ее холодный взгляд скользнул по вещам, а затем вернулся к снимку. — Посмотрите на наши петлицы на форме. У каждого из нас есть знаки отличия. Анна — радист, у нее на петлице эмблема связи — молнии. Нож принадлежит штурмовику, аптечка — медику. Нам нужно понять, кто сидит на этой фотографии в каком порядке слева направо.

В этот момент рация на столе, несмотря на оторванный провод антенны, вдруг зашипела. Из ее динамика сквозь страшные радиопомехи прорвался глухой, торжествующий шепот:

— *«Вы думаете, что ищете меня? На самом деле вы просто выполняете мой сценарий. Василий, проверь карман Анны. Проверь его прямо сейчас, если хочешь узнать, кто из вас не доживет до следующего часа...»*

Все мгновенно обернулись к Анне. Женщина в панике прижала руки к карманам своего шелкового блейзера. Ее лицо стало блее мела. Из правого кармана ее куртки отчетливо виднелся уголок маленького, прозрачного пластикового пакета, внутри которого тускло поблескивал крошечный металлический цилиндр с надписью на немецком языке.

Гром среагировал мгновенно. До того как Анна успела сделать хотя бы шаг назад, его правая рука мертвой хваткой перехватила ее запястье. Вторым движением он резко выдернул прозрачный пакет из ее кармана. Анна испуганно вскрикнула, попыталась вырваться, но Гром удерживал ее со стальной, безжалостной хваткой.

— Стоило мне подумать, что мы команда, как у радистки обнаруживается персональный подарок, — процедил Гром, тяжело дыша и поднося пакет к свету флуоресцентной лампы. — Что это, Анна? Колись. Ты помнишь, что это?

Inside пакета лежал миниатюрный ампульный шприц-тюбик из высокопрочного медицинского пластика. Сквозь прозрачные стенки была видна маслянистая бесцветная жидкость. На наклейке готическим шрифтом было отпечатано всего одно слово: «Gegengift» — антидот. И чуть ниже мелким шрифтом: «Доза на одного».

— Я не знаю! — разрыдалась Анна, ее плечи судорожно затряслись. — Клянусь вам, я не знаю! Мои карманы были пусты, когда я проснулась в той комнате! Я проверяла их! Этого там не было!

— Она говорит правду, — Василий подошел ближе, аккуратно разжав пальцы Грома на запястье женщины. Гром неохотно отступил, но взгляда с Анны не свел. — Я осматривал коридор и гостиную. Нас было трое у двери, когда Марк уронил пепельницу. Анна стояла позади всех, в тени, прямо возле деревянной панели, где позже открылся планшет. Ей подбросили это. Крот сделал это в темноте, когда все отвлеклись на звук разбитого хрусталя и маневр Марка.

— Или она сама и есть Крот, которая разыгрывает перед нами карту жертвы, — Марк скрестил руки на груди, его взгляд стал пугающе пронизательным. — У нее одной есть про-

тивоядие от газа, которым нас всех собираются отравить через девять часов. Отличная страховка, вам не кажется?

— Если бы она была Кротом, она бы не оставила ампулу на виду, торчащей из кармана, — Елена подошла к металлическому столу и указала на рацию, которая продолжала тихо, утробно шипеть белым шумом. — Голос из динамика намеренно ставил нас. Крот играет на опережение. Он хочет, чтобы мы разорвали друг друга на части до того, как таймер дойдет до нуля. Василий, вернемся к коду. Время уходит.

Василий перевел взгляд на огромную черно-белую фотографию. Десять человек. Лицо одного вырезано. Он начал сопоставлять предметы на столе с людьми на снимке, внимательно вглядываясь в армейские петлицы. На фотографии молодая Анна стояла третьей слева, и на ее воротнике отчетливо угадывался вышитый значок связи — две перекрещенные молнии. Значит, рация с цифрой «8» — это третья позиция в коде.

Сам молодой Василий на снимке стоял шестым, держа в руках тот самый армейский нож, на лезвии которого была выбита цифра «5». Значит, нож — это шестая позиция.

Медик отряда — судя по эмблеме кадуцея на петлице — стоял вторым справа (то есть девятым в общем ряду). На его аптечке была цифра «2». Это девятая позиция.

— У нас есть позиции, но код четырехзначный, — Василий нахмурился, чувствуя, как в висках начинает стучать тяжелый, ритмичный пульс его внутреннего хронометра. До конца часа оставалось совсем немного. — Первая цифра — три. Это количество погибших собак на гобелене вверху, количество тех, кто не вернется. Остальные три цифры привязаны к местам на фото. Рация (связь) — 8. Нож (штурмовик) — 5. Аптечка (медик) — 2. Если выстроить их по порядку позиций на фотографии: сначала идет медик, потом связь, потом штурмовик... Нет, наоборот. Слева направо: связь (3-я позиция), штурмовик (6-я позиция), медик (9-я позиция).

— Получается 3 - 8 - 5 - 2? — Гром быстро проверил цифры в уме. — Три — это количество жертв из первой подсказки, а дальше по порядку номеров позиций на фото: третья, шестая, девятая. Это логично. Это чертовски логично для военного шифра!

— Нам нужно вернуться в гостиную и проверить диктофон, — Марк уже развернулся к выходу. — Если код верный, мы получим запись с именем.

Пес на ковре вдруг резко вскинул голову и издал короткий, глухой лай. В ту же секунду тяжелая стальная дверь с круглым штурвалом, через которую они вошли в эту комнату, с грохотом захлопнулась. Изнутри нее раздался сухой, металлический скрежет — автоматические блокираторы намертво вогнали стальные штыри в пазы бетонной стены.

Свет в комнате мгновенно изменился. Холодные флуоресцентные лампы погасли, и вместо них под потолком зажглись две ярко-красные лампы аварийной тревоги. Из вентиляционной решетки над столом послышалось тихое, зловещее шипение. Воздух в комнате начал стремительно наполняться едва заметным, сладковатым ароматом миндаля.

— Газ... — прошептал парень в очках, падая на колени и закрывая лицо руками. — Он запустил его раньше! Он убивает нас прямо здесь!

Таймер на экране планшета, который Василий оставил в гостиной, судя по всему, был не единственной угрозой. Крот ударил дистанционно. На разгадку кода диктофона у них оставались не часы, а считанные минуты, пока легкие не заполнятся ядом. Василий бросился к стальной двери, но штурвал изнутри был заблокирован намертво — он не двигался ни на миллиметр.

Сладковатый запах миндаля становился все отчетливее, заполняя тесное бетонное пространство. У Василия мгновенно сработал подкорковый армейский рефлекс — этот запах означал присутствие цианидов, действующих практически мгновенно.

— Всем снять одежду! Рубашки, футболки — быстро! — на ходу скомандовал Василий, бросаясь назад к металлическому столу. — Смачивайте ткань водой из аптечки, если там есть

физраствор, или мочитесь на нее! Прижать к лицу и дышать только через ткань! Делать короткие, неглубокие вдохи!

Гром, не теряя ни секунды, сорвал с себя спортивную куртку и принялся рвать зубами свою трикотажную майку. Марк лихорадочно вытряхивал содержимое аптечки на стол. Среди бинтов и жгутов там действительно оказалась пластиковая бутылка с дистиллированной водой. Он сорвал крышку и начал обильно поливать ткань, которую ему протягивала бледная, трясущаяся Анна.

Василий подскочил к Елене. Она оставалась пугающе спокойной, хотя ее дыхание уже стало прерывистым. Василий сорвал свою серую армейскую футболку, быстро смочил её остатками воды из бутылки и сильно прижал к лицу женщины, перекрывая ей нос и рот. Их взгляды встретились на расстоянии нескольких сантиметров. В ее серых глазах не было страха — только холодный, расчетливый анализ.

Сам Василий остался с голым торсом. Воздух уже обжигал носоглотку легким покалыванием. Внутренний хронометр включил режим обратного отсчета: при такой концентрации у них было не более трех минут до потери сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.